

Илья Виноцкий

«Идиллическая страшилка»

ПРИНСТОНСКИЙ ТЕКСТ

В «ЗАПИСЯХ И ВЫПИСКАХ» М. Л. ГАСПАРОВА¹

DOI: 10.53953/08696365_2024_190_6_212

Каждый человек — это прекрасный сон для других
и страшная явь для себя.

Франц Кафка (в пересказе М.Л. Гаспарова)²

А Альфреда не покинет
Дженни даже в небесах!

А.С. Пушкин. Из апокрифических вариантов

Недавно издательство «Новое литературное обозрение» выпустило в свет заключительный шестой том «первого посмертного собрания сочинений» выдающегося филолога Михаила Леоновича Гаспарова (1935—2005). Составители этого тома К.М. Поливанов и Д.В. Сичинава стремились «не столько представить результаты трудов Гаспарова-ученого, сколько показать читателю самого познающего Гаспарова», «проникнуть в творческую лабораторию ученого, следя за трансформацией текста на пути от записной книжки или конспекта лекции к публикациям» [Гаспаров 2023: 9, 15]. В этой статье мы хотим обратиться к самой личной и самой известной («интеллектуальный бестселлер») книге Гаспарова, открывающей последний том его собрания сочинений. Нас будет интересовать не интеллектуальная эволюция ученого, но тесно связанная с ней и скрытая от посторонних глаз «эмоциональная история» автора — его внутренние, психологические, часто иррациональные импульсы, страхи, надежды и разочарования. Реконструкция образа познающего в тексте (текстом) самого себя ученого — проблема сложная, интересная и, как нам кажется, заслуживающая особого внимания в кризисные периоды российской интеллектуальной истории.

1 Эта статья представляет собой переработанный и дополненный вариант публикации «Идиллическая страшилка Михаила Гаспарова» (Горький. 25.09.2023), содержащий дополнительные иллюстрации. Благодарю Майкла Вахтеля, Кирилла Зубкова, Дмитрия Иванова, Илью Кукулина, Светлану Коршунову, Олега Лекманова*, Юрия Левинга, Марка Липовецкого, Татьяну Смолярову и Андрея Устинова за советы и замечания.

* Включен Минюстом РФ в реестр иностранных агентов. — *Прим. ред.*

2 Перифразированная сентенция из письма Кафки о М. Броде: «Можно ведь быть одновременно добрым сном своего друга и мучительной явью для себя самого» («Man kann eben zweierlei zugleich sein, eines Freundes guter Traum und das eigene böse Wachsein»). Указано в: [Гаспаров 2006: 239].

Из подполья

«У меня плохая память» — так, с интонационной аллюзии на «Записки из подполья» Достоевского³, открывается публикация «Записей и выписок» М.Л. Гаспарова, пришедших в большую литературу в прямом смысле слова из филологического подполья — не только «подвалов памяти», но и находившегося в подвале корпуса иностранных языков кабинета принстонского профессора, где Гаспаров работал по вечерам во время исследовательской стажировки в США. В «подвальном» отделе НЛЮ «Приложение» (после раздела писем в редакцию!)⁴ были напечатаны и первые фрагменты книги.

Замысел этой маргинальной в прямом смысле слова филологической автобиографии, выстроенной из причудливо систематизированных в алфавитном порядке выдержек из записных книжек, которые автор вел на протяжении пятнадцати лет, относится к концу 1980-х — началу 1990-х годов. Композиция книги в общих чертах сложилась к середине 1990-х, после пережитой автором попытки суицида⁵. О трудностях работы над воспоминаниями (как эстетических, так и этических) Гаспаров рассказывал в письме к своей confidentке, немецкой переводчице Марины Цветаевой Марии-Луизе Ботт, написанном в Принстоне в День благодарения (24 ноября) 1994 года:

...я стал делать выписки из своих записных книжек — мне всегда казалось, что в них много интересного. Заполнил несколько страниц, перечитал, пришел в уныние. Во-первых, по содержанию они показались мне то дешевым юмором, то банальностями, претендующими на глубокомыслие. Во-вторых, мне не попра-

-
- 3 Ср.: «Я человек больной... Я злой человек. Непривлекательный я человек. Я думаю, что у меня болит печень» (*Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 5. Л.: Наука, 1973. С. 99). В письмах этого времени и в «Записях и выписках» Гаспаров сознательно (почти навязчиво) подчеркивает мотив собственной малопривлекательности. По собственному признанию Гаспарова, первым произведением Достоевского, прочитанным им в возрасте пятнадцати лет, были «Записки из подполья», которые его «потрясли очень сильно», — но после этого весь остальной Достоевский стал для него «неинтересен: так, те же “Записки...”», только в ослабленном и разбавленном виде» [Гаспаров 2006: 236]. Полагаем, что отдаленным эхом и филологической трансформацией этого юношеского «потрясения» стали и «Записи и выписки». О программно-провокативном характере гаспаровской книги см.: [Виницкий 2021: 154—156].
 - 4 Обычно эта книга рассматривается в контексте «мозаичной» философски-биографической и филологической (часто экспериментальной) прозы (Новалис, И.П. Эккерман, Василий Розанов, Борис Эйхенбаум, Виктор Шкловский, Лидия Гинзбург, Михаил Безродный и т.д.). См.: [Булкина 2000; Зорин 2000], а также блок ярких статей о «Записях и выписках» Олега Проскурина, Ольги Седаковой, Юрия Левинга, Манфреда Шрубы, Кирилла Кобрин, Александра Дмитриева, Ильи Кукулина, Марии Майофис и Алексея Левинсона (Новое литературное обозрение. 2005. № 73) и статьи Виктора Живова и А.К. Жолковского (Новое литературное обозрение. 2006. № 77).
 - 5 Из письма Гаспарова к М. Тарловской от 8 июля 1985 года: «Марина, пишу тебе из нечаянного казенного дома — из больницы. Официально нигде не записано, но негласно подразумевается, что попал я сюда после покушения на самоубийство. Это не совсем точно, но близко к истине: помирать я не собирался, а хотел только проверить одно лекарство, пригодится ли оно в случае настоящей необходимости или нет» [Гаспаров 2017: 402—403].

вилась разница между старой записной книжкой, 10-летней давности, и новой, предпоследней: в старой я все-таки глядел по сторонам, хоть и замечал только вздор, а в новой все больше смотрю в себя, хоть и без всякого удовольствия. Кажется, это началось после того, как я отравился и побывал в реанимации, — но я не думал, что это так заметно.

Посылаю Вам эти два листка старых и два листка новых; постарайтесь пошеяться тому, что здесь есть нелепого, и не сердитесь на то, что здесь есть претенциозного. Это не жанр афоризмов, на него я не способен, — это действительно «записи и выписки» того, что казалось почему-нибудь интересным. Я думаю, что из них должно складываться какое-то представление обо мне, — хоть и малопривлекательное [Гаспаров 2006: 202].

За три недели до этого письма, также из Принстона, Гаспаров писал о «Записях» другой своей confidentке, исследовательнице французской литературы и коллеге по комментарию к стихам Пастернака И.Ю. Подгаецкой (иронически цитируя письмо М.-Л. Ботт, побуждавшей его продолжать писать воспоминания, «чтобы освободиться от того, что, по его более позднему выражению, «давило изнутри»» [Там же: 145]):

Моя знакомая немка — цветаеведка, потом журналистка, которую Вы видели в Марбурге, — видимо, расслышала что-то в моих письмах и написала на не очень хорошем русском языке: «Каковы ваши жгучие несчастья? выговоритесь! ведь хорошие старые повести так обычно и начинаются — или в поезде, или за границей». Я ответил: у меня жгучих несчастий нет, у меня только холодные [Гаспаров 2008: 169].

В одной из лучших, на наш взгляд, работ о «Записях и выписках» Р.Д. Тименчик указывает на то, что книга Гаспарова «неоспоримо является памятником литературы конца XX века», ибо «дает в компактной форме представление об иерархиях и конфликтах интересов, о фобиях и пристрастиях, о границах знания и понимания литературы, сложившихся к концу прошлого века не только у одного автора, а у некоторого направления российского литературоведения» [Тименчик 2017: 564]. Отсюда, по Тименчику, возникает необходимость такого литературно-филологического исследования этого «памятника эпохи», которое бы учитывало не только биографические факты и историко-культурный контекст, но и использованные в тексте «художественные приемы, тропы и фигуры — в том числе иронию» [Там же], которую современному читателю уже сложно понять.

Следует подчеркнуть, что выделенная Тименчиком авторская ирония (чаще всего — самоирония) является едва ли не главным конструктивным приемом этого странного произведения, в основе которого, как признавался сам Гаспаров, лежит болезненная тема стесняющейся самое себя личности, «сквозящей» из сменяющих друг друга в игровом калейдоскопе масок-выписок. Показательно, что понятию «я» в четырех словариках Гаспарова посвящено тринадцать выписок (плюс еще две об «эго»)⁶ — например, из Паскаля: «Я — вещь ненавистная» [Гаспаров 2000а: 73]; или из Томаса Брауна — «Господи, избавь меня от

6 Абсолютными лидерами гаспаровского словаря являются «перевод» (27 раз) и «любовь» (26). За ними идут «жизнь» (22), «смерть» (15) и «диалог» (14). «Языку» посвящено 12 примеров-«дефиниций», а «детям» — 11.

меня» [Там же: 71]⁷. В конце концов, это книга не столько «обо всем на свете» (К.М. Поливанов, Д.В. Сичинава), сколько о самом составителе текста, его сложных отношениях со всем и всеми на свете и высокой степени мучительной авторефлексии. Говоря об «автобиографической печали» начатой в Принстоне книги, заметим, что 13 апреля 1995 года Гаспарову исполнилось шестьдесят лет, и к этому юбилею он вспомнил созвучную его настроениям эпиграмму из «Палатинской антологии»: «Шесть десятков прожив, здесь я сплю, Дионисий из Тарса. / Сам я не был женат. Жаль, что женат был отец» [Гаспаров 2008: 210].

Предлагаемая работа является попыткой аналитического комментария к преломленным в «Записях и выписках» «холодным несчастьям» автора, «давящим изнутри» текста. Написанная в старинном российском жанре «по местам жизни знаменитости», она, в отличие от традиционного биокраеведческого этюда, рассматривает не столько житейские связи писателя с данным местом, сколько символическую роль последнего в сложноорганизованном литературном тексте, создающем многогранный и противоречивый образ подпольного автора, сочетающий в себе остроумие, эрудицию, парадоксальность, фобии, болезненность, холодность, насмешливость, предвзятость, «нытье», трагизм, искренность, закрытость, скромность, кокетство, обаяние, «малопривлекательность» и т.п.

Американская трагедия

Среди многочисленных историко-литературных, философических, культурно-бытовых и иных «маргиналий», включенных в «Записи и выписки», есть одна, прямо скажем, неожиданная в общем контексте детская история:

Школьный вечер в Принстоне, дети сочиняли истории и рассказывали родителям. «Жили и дружили девочка Дженни и мальчик Альфред. У Дженни на шее всегда был зеленый бантик; Альфред спрашивал: почему? а Дженни отвечала: “Не скажу”. Они выросли, поженились, состарились, и Альфред все спрашивал, а Дженни отвечала: “Не скажу”. А когда Дженни стало совсем плохо, она сказала Альфреду: “Вот теперь развяжи мне бантик, и ты кое-что поймешь”. Он развязал, и у Дженни отвалилась голова». Идиллическая страшилка (с. 69)⁸.

В «окончательном» тексте «Записей» эта история следует сразу после выписанной сентенции из Е. Лундберга «**Функционирование** государства отвратительно, но не более, чем функционирование человеческого организма» (там же)⁹.

7 Это слова знаменитого английского врача и барочного писателя-мистика XVII века сэра Томаса Брауна (1605—1682) (*Browne T. Religio Medici: Urn Burial, Christian Morals, and Other Essays / Ed., with an introd. by J.A. Symonds. London: W. Scott, 1886. P. 103*). Латинская сентенция приводится также в 13-й книге «Опытов» Монтеня (*Montaigne M. de. The Essays: In 4 vols. / Transl. by Ch. Cotton. Vol. 4. Bk. 3. London: Reeves & Turner, 1902. P. 244*).

8 Здесь и далее фрагменты из «Записей и выписок» цитируются (за исключением особо оговоренных случаев) по последней публикации в: *Гаспаров М.Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Новое литературное обозрение, 2023*.

9 В ранних изданиях книги между ними в нарушение алфавитного порядка вклинивалась запись о флоте: «Главным врагом русского военного флота всегда было море» (с. 69).

Очевидно, что эта страшилка относится к принстонским впечатлениям Гаспарова, который провел на кампусе университета почти девять месяцев в 1994—1995 годах, работая с хранящимся в библиотеке архивом О.Э. Мандельштама. Между тем трудно представить себе Михаила Леоновича — человека, боявшегося многолюдства и плохо воспринимавшего на слух английский язык¹⁰, — присутствующим на школьном вечере в американском академическом городке. Зачем эта простая и абсурдная страшилка, якобы сочиненная американскими детьми для их родителей, понадобилась автору «Записей и выписок», над которыми он работал во время пребывания в Принстоне?

Зеленая лента

Прежде всего следует заметить, что приведенная страшилка представляет собой не аутентичный детский рассказ (в смысле «сочиненный» американским ребенком), а литературное произведение, написанное для детей младшего школьного возраста. Причем произведение исключительно популярное в Америке. Оно называется «Зеленая лента» («The Green Ribbon»), и его автором является Элвин Шварц (Alvin Schwartz, 1927—1992) — принстонский фольклорист (сборатель городских легенд) и писатель, создатель сборников страшных историй для маленьких детей. Впервые этот рассказ вышел в сборнике «ужастиков» «В темной-претемной комнате и другие страшные истории» («In a Dark, Dark Room and Other Scary Stories») в 1984 году с замечательными иллюстрациями Дёрка Зиммера (Dirk Zimmer). Приведем этот рассказ целиком в переводе Дмитрия Иванова¹¹:

Жила-была девочка по имени Дженни. Она была такой же, как все девочки, за исключением одной вещи. Она всегда носила на шее зеленую ленту. В ее классе был мальчик по имени Альфред. Дженни нравилась Альфреду, а Альфред нравился Дженни.

10 См. «Воспоминания о М.Л. Гаспарове» Майкла Вахтеля [Вахтель 2017: 442].

11 Читатель может посмотреть замечательные иллюстрации в сопровождении с текстом ужастика здесь: https://www.youtube.com/watch?v=_3PlkV2anqk. Иллюстрации воспроизводятся по данному видео.

Однажды он спросил у нее: «Почему ты все время носишь на шее эту ленту?» «Я не могу тебе этого сказать», — ответила Дженни. Но Альфред продолжал спрашивать: «Зачем ты ее носишь?» И Дженни отвечала: «Это неважно». Дженни и Альфред выросли и полюбили друг друга. Однажды они поженились.

После свадьбы Альфред сказал: «Теперь, когда мы женаты, ты должна рассказать мне про зеленую ленту». «Придется подождать еще, — ответила Дженни. — Я расскажу, когда придет время (один из персонажей на иллюстрации Зиммера чудесным и необъяснимым образом внешне немного похож на Михаила Леоновича).

Прошли годы. Альфред и Дженни состарились. Однажды Дженни тяжело заболела. Доктор сказал ей, что она умирает. Дженни подозвала Альфреда к своей постели. «Альфред, — сказала она, — теперь я могу рассказать тебе про свою зеленую ленту. Развяжи ее, и ты увидишь, почему я не делала этого прежде». Медленно и осторожно Альфред развязал ленту. И тут у Дженни отвалилась голова!

Эта страшилка, как и другие ужастики, напечатанные Шварцем, вызвала бурную дискуссию о пользе или вреде horror stories для маленьких, в которой приняли участие родители, педагоги и библиотекари (некоторые библиотеки исключили книжку из своих фондов). Сам автор указывал на то, что свои ужастики он не сочинил, а «вывел» из городского фольклора путем серьезного исследования этого жанра, проведенного в главной университетской библиотеке Принстона:

По сути дела, каждую новую книгу я начинаю с того, чтобы выяснить все, что могу, о жанре страшилки. Это требует прочтения значительного количества книг и журналов, а порою дискуссий и консультаций с профессиональными фольклористами. Большую часть времени я провожу в Файерстоуновской библиотеке в Принстонском университете. Я живу примерно в полумиле от нее, и ее близость — одна из причин, по которой мы поселились в Принстоне. Это действительно прекрасная библиотека. Собирая материалы по своей теме, я постепенно начинаю откладывать то, что мне особенно нравится. Замечательно, что в результате обычно обнаруживаются некоторые общие типологические модели. Я ищу не только то, что мне нравится, но и такие вещи, которые определяют этот жанр (цит. по: [Vardell 1987: 427]).

В заключавшем сборник разделе «Откуда заимствованы эти истории» Шварц указал, что «The Green Ribbon» основана на европейском фольклорном мотиве, в котором красная лента обвязывается вокруг шеи героя, отмечая место, где была отрезана голова, впоследствии приставленная к телу. Попутно заметим, что этот архаический мотив регенерации расчлененного тела представлен во многих мифах и сказках. В русской художественной литературе сюжет оторванной и приставленной головы использован в «Мастере и Маргарите» М.А. Булгакова (наказание конферансье Жоржа Бенгальского, «причудливый шрам на шее» вампириши Геллы и, наконец, зеленая лента с бантом на блеклой шее прекрасной отравительницы Тофаны). Обнаруживается он и в современной массовой культуре. Так, в московском «Магазине необычных вещей» на улице Фучика еще недавно продавалась силиконовая маска «Оторванная голова, голова с цепью, цепь, страшная, латексная, на голову» производства США¹². Наконец, похожий на страшилку Гаспарова сюжет о механически прикрепленной и потом отвалившейся части тела хорошо известен по анекдоту о гайке вместо пупка, бытующему в разных модификациях — от «кавказского» тоста до «русской» сказки с моралью: «Родился Иван-царевич, а вместо пупа — гайка. <...> Добыли ключ, приехали во дворец, открыли гайку, а у Ивана-царевича задница отвалилась. Так выпьем же за то, чтобы не искать приключений на свою ж...» [Раскин 1995: 140].

Вернемся к страшилке Шварца. Комментаторы связывают происхождение этого сюжета с французским революционным террором (модницы времен Директории носили на шеях алые ленты, напоминавшие след от ножа гильотины) и указывают на его возможный литературный прообраз — страшный рассказ Вашингтона Ирвинга «Приключение немецкого студента» («The Adventure of the German Student», 1824). Еще одна литературная версия этого сюжета, восходящая, как полагают, к тому же, что и рассказ Ирвинга, неизвестному французскому источнику, представлена в напечатанном в 1851 году рассказе Александра Дюма «Женщина с бархоткой на шее» («La femme au collier de velours»). В XX веке этот сюжет перешел (спустился) из высокой романтической литературы с историческими (травматическими) аллюзиями в детскую литературу и школьный фольклор — рассказ «Бархатная лента» («The Velvet Ribbon»), напечатанный в 1970 году Энн Макгаверн (Ann McGovern) в детской книжке «Призрачные забавы» («Ghostly Fun») ¹³. Рассказ начинался лирическим вступлением: «Жил-был человек, который влюбился в прекрасную девушку», — и заканчивался жутким открытием не прислушавшегося к предостережениям жены супруга:

Быстро и тихонько, стараясь не разбудить жену, он склонился над ее кроватью: ВЖИК! — сделали ножницы, бархатная лента упала на пол и ХРЯСЬ! — оторвалась голова. Она покатила по полу в лунном свете, причитая в слезах: «Я... говорила... тебе... тебе же... теперь будет... ж-а-л-к-о!»¹⁴

12 Приводить ее изображение не будем, чтобы не пугать лишний раз читателя.

13 В том же году этот рассказ был включен в сборник «Дом с привидениями и другие жуткие стихи и сказки» («The Haunted House and Other Spooky Poems and Tales») в серии «Scholastic Book Services».

14 «Quickly and quietly, careful not to awaken her, he bent over his wife's bed and SNAP! went the scissors, and the velvet ribbon fell to the floor and SNAP! off came her head. It rolled over the floor in the moonlight, wailing tearfully: "I... told... you... you'd... be... s-o-r-r-y!"» Цит. в нашем переводе по: <https://www.laurashouseofhalloween.com/v-ribbon.html> (дата обращения: 28.09.2024).

Элвин Шварц сжал этот сюжет и наделил героев истории именами Дженни и Альфред. Его версия (и еще раз напомним — иллюстрации к нему) получила огромное распространение в американской детской субкультуре: его читали или пересказывали вслух (во вступлении к своему сборнику Шварц предлагал маленьким читателям читать его рассказы ночью «м-е-е-е-дленно [“s-l-o-w-l-y”] и тихим голосом», чтобы все получили удовольствие), разыгрывали в карнавальных костюмах на Хэллоуин, а недавно стали записывать на «YouTube».

В интервью Леонарду Маркусу (Leonard Marcus) в 1988 году Шварц признался, что на одно его выступление в начальной школе весь пятый класс пришел в зеленых ленточках вокруг шеи, и это его весьма умилило¹⁵.

Выскажем предположение, что Гаспаров познакомился с текстом этого рассказа не на детском школьном празднике, а в располагавшемся на главной улице городка книжном магазине «Micawber Books» (110 Nassau St.), по традиции выставлявшем на уличные прилавки в канун Хэллоуина иллюстрированную книжку Шварца (для чувствительного к звуковым ассоциациям человека диккенсовское название магазина — по имени неунывающего бедолаги из «Дэвида Копперфильда» — весьма похоже на слово «макабр»). В 2007 году «Micawber» закрылся и рядом с ним открылся новый книжный магазин «Лабиринт». Книжка Шварца и сейчас в продаже (в издании 2017 года с другими иллюстрациями).

МЛГ в ПГТ

Несложно заметить, что история в «Записях и выписках» представляет собой не что иное как сокращенный перевод с английского знаменитой страшилки Шварца¹⁶. Более того, этот пересказ выполнен в соответствии с разработанной в то же самое, принстонское, время провокативной теорией Гаспарова о контекстивном переводе, сжимающем оригинал в значимое целое, своего рода смысловой концепт. Так, 19 значимых слов в завязке и без того сверхкраткого оригинала — «One day he asked her, “Why do you wear that ribbon all the time?” “I cannot tell you,” said Jenny» — Гаспаров превращает в 12: «У Дженни на шее всегда был зеленый бантик; Альфред спрашивал: почему? а Дженни отвечала: “Не скажу”». Между тем перед нами не простая «языковая практика» русского гостя и его очередной переводческий эксперимент. Ключ к этой записи в ее «прописке».

Гаспаров не любил Принстон. Он чувствовал себя здесь одиноко, мало с кем общался¹⁷, очень много работал (причем не в самой привычной для себя области — текстологии) и сильно уставал. Здесь обострилась его депрессия, связанная, как считает Майкл Вахтель, с неудачно выбранной съемной квартирой в огромном (по принстонским масштабам) и страшноватом здании, по-

15 *Marcus L.S. Night Visions: Conversations with Alvin Schwartz and Judith Gorog // The Lion and the Unicorn. 1998. Vol. 12. No. 1. P. 47.*

16 Некоторые страшилки Шварца были недавно переведены на русский язык: *Шварц Э. Страшные истории для рассказа в темноте / Пер. с англ. Ю. Павлова и В. Браун. М.: АСТ, 2019. «Зеленой ленты» среди них нет.*

17 О «языковых переживаниях» Гаспарова в Америке см.: [Виницкий 2024].

хожем на «haunted house» (вход в это жилище был с задней стороны здания)¹⁸. В маленьком городе ему было скучно и, как он признавался в письме к Подгаецкой, кроме профессора Кэрил Эмерсон, занимавшейся нелюбимым им Бахтиным¹⁹, ему не с кем было здесь говорить на интересовавшие его темы²⁰. «Славистская кафедра, — писал он из Принстона М.-Л. Ботт, — слабая, интересных собеседников нет»; «русская литература в университете начинается Толстым и кончается Достоевским: поэзией не занимается никто» [Гаспаров 2006: 204].

Как вспоминает М. Вахтель, замечательный стиховед и специалист по русскому символизму, находившийся в тот год в академическом отпуске в Нью-Йорке, кафедра тогда ютилась в сыром и холодном подвале, а «славистика не котировалась» [Гаспаров 2017: 440]. Михаил Леонович утром и днем трудился в библиотеке, а вечером долгие часы сидел в подвальном кабинете Вахтеля, что точно не улучшало его настроение: крошечное окошко, естественный свет туда почти не добирался, зимой было жутко холодно, а когда шел сильный дождь, офисы в подвале заполнялись водой. Любопытно, что большой и обшарпанный дом, в котором поселился Гаспаров²¹, известен в принстонских хрониках как «Парфенон девицы Превост» [Buckner Inniss 2019: 92]. Такое название он получил, как полагают, потому что имел портик с шестью колоннами, а его богатая владелица никогда не выходила замуж: слово «Парфенон»

-
- 18 «Только после его смерти я понял, до какой степени МЛГ мучился в Принстоне» [Вахтель 2017: 442]. Сам Гаспаров в письме к И.Ю. Подгаецкой от 7 сентября 1994 года подробно описывал свою языковую уязвимость в сравнении с не знающими комплексов соотечественниками и соотечественницами: «Свое безъязычие больше ощущаешь не среди американцев, а среди владеющих языком соотечественников. Одна дама из Воронежа (очевидно, И.С. Приходько, бывшая в 1993—1995 годы феллоу-брайтовской стипендиаткой. — *И.В.*) чувствовала себя настолько на коне, что и с соседями рвалась разговаривать исключительно по-английски. Я молчал и угрызился невежеством. Оно относительное: [С.В.] Василенко знает язык не лучше меня, но он смело завязывает любые разговоры, а я прячусь в свое непонимание-со-слуха, как в скорлупу. (Как в русское заикание.) Это еще не худшее, такой же психологический паралич остался у меня непреодоленным в еще более жизненно важной области, но то — уже дело прошлое, а научиться говорить мне надо бы ввиду одного будущего приглашения в Англию, где обещают большую стипендию и идеальные условия для работы, но в обмен на несколько лекций на английском языке. Не научусь ведь» [Гаспаров 2008: 143].
- 19 «Единственный крупный ученый в Принстоне и интересный собеседник — женщина по фамилии Эмерсон, соавтор самой толковой книги о Бахтине» (письмо к И.Ю. Подгаецкой от 12 декабря 1994 года) [Гаспаров 2008: 181]. О ее диалогах с Гаспаровым см.: [Эмерсон 2006].
- 20 Из письма Гаспарова к И.Ю. Подгаецкой от 3 ноября 1994 года: «...здешняя преподавательница, с которой я еженедельно веду малоинтересные разговоры, задала мне детский вопрос: а оказал ли Пастернак влияние на русскую литературу? Я растерянно ответил: “Кажется, нет, разве что на мелких эпигонов”. <...> — “А на прозу?” — И на прозу. — “А на Андрея Битова?” — Ну, разве что Пастернак приложил к своему роману стихи, а Битов — реальный комментарий. Мне совестно, что я об этом не задумывался, но неужели это так, и Пастернак создавал только какую-то атмосферу, а не влиял на конкретных поэтов?» [Гаспаров 2017: 167—168]. Высказанное в частной переписке язвительное замечание о разговорах с принстонской преподавательницей не помешало Гаспарову процитировать одно из ее наблюдений в «Записях и выписках» (раздел «Акцент» [Гаспаров 2000а: 9]).
- 21 Вахтель вспоминает, что снятая им для Гаспарова принстонская квартира сразу оказалась Михаилу Леоновичу похожей «на квартиру, которую можно найти в любом провинциальном русском городе» [Гаспаров 2017: 442].

означает «храм Девы», смысл которого, по Гаспарову, — «победа закона и порядка над произволом неразумной стихии» [Гаспаров 2000б: 79]. Так что, сам того не зная, русский филолог-классик попал в своего рода американскую фиктивную Грецию.

Сам кампус вызывал у Гаспарова раздражение. В «Записи и выписки» на букву «П» он поместил характерную «шпильку» в адрес города, извлеченную из упоминавшегося выше письма к М.-Л. Ботт:

ПГГ²². «В Америке ведь не города, а поселки городского типа», — сказал Томас Венцлова, литовский диссидент, преподающий славистику в Йейле. Вот такой же и Принстон: серый псевдогоготический университет, такая же псевдоцерковь, покельнски поднявшая одно ухо, а вокруг острокрышние дачные домики-кубики с фасадами в дощатую линейку (с. 156—157).

Церковь Апостола Павла (архитектор Т.Г. Моран, 1955—1956), не понравившаяся М.Л. Гаспарову своей «фальшивой готикой» (находится неподалеку от дома, в котором он снимал квартиру). «Поднятое ухо» здесь, очевидно, не человеческое, а собачье, как бы настороженное, — скорее всего, речь идет о единственной торчащей башне, как в страсбургском (см. приводимое далее письмо Гаспарова), а не кельнском соборе. Впрочем, возможно, что эллинист разглядел здесь так называемый акротерион («собачье ухо») — украшенную часть храма, которая устанавливается на вершине фронтона на особом постаменте. Но вряд ли...

Автор фото: Doug Kerr

22 Поселок городского типа.

*Страсбургский собор (Cathédrale Notre-Dame de Strasbourg, 1015–1439)
с северной башней (настоящая готика). Автор фото: David Iliff*

Не менее иронически он описывает в «Записях и выписках» принстонскую библиотеку имени Харви Файерстоуна (основателя компании по производству резиновых шин), готический лабиринт которой напоминает ему известную детскую головоломку (обратим внимание на вновь всплывающий «кубический» мотив):

РУБИК. В принстонской библиотеке старая часть расставлена по одной классификации, новая — по другой, и кусочки этих частей растасованы по шести этажам в непредсказуемом расположении: больше всего похоже на кубик Рубика (с. 61).

В письме к М.-Л. Ботт — как уже говорилось, переводчице и комментатору «Крысолова» [Bott 1981; 1982] Марины Цветаевой — от 20 сентября 1994 года Гаспаров идет еще дальше в своей критике принстонского провинциального мирка: «А в Принстоне смотреть не на что. Городок маленький и с виду очень мещанский, сытый, уютный, довольный, как Гаммельн» [Гаспаров 2006: 201].

Эта резкая характеристика вызвала впоследствии отповедь мичиганского профессора и друга Гаспарова Омри Ронена, уличившего его в бестактности и снобизме: Принстон — один из научных и культурных центров Америки, этот город принял Альберта Эйнштейна и других беженцев из нацистской Германии, наконец, на славистской кафедре преподают и учатся три поколения бывших студентов Ронена²³ [Ронен 2009].

В свою очередь, соавтор и многолетняя корреспондентка Михаила Леонovichа Н.С. Автономова справедливо вступилась за Гаспарова, указав на специфические (болезненные и детские) особенности его характера и индивидуальные предпочтения:

...сама эта защита принстонцев (Роненом. — *И.В.*) звучит диссонансом, потому что в данном контексте она глуха к важнейшим смысловым обертонам гаспаровского употребления слова «мещанство».

У Гаспарова (несмотря на соседство зловещего Гаммельна) речь идет о чем-то весьма соблазнительном: об уютном замкнутом мире, удобном для жизни и работы, о земном рае, в который его, «неконвертируемого» Гаспарова, никогда не впускают, так что и музыка, и еда тут ни при чем. <...> Помимо уютного и комфортного Принстона у МЛГ могли быть и другие поводы для зависти: вряд ли можно сомневаться в том, что он завидовал (скорее всего, бессознательно) и счастливым детствам, и «несчастливым», как выражается Омри Ронен, бракам. Счастливым людям легче жить, а он, Гаспаров, — за границей, где никому не нужен, обязан работать, как вол, чтобы продвинуть дело, которое не сможет сделать в московской суете [Автономова 2010].

В письме к М.Г. Тарлинской Гаспаров, говоря о возвращении из Принстона, пересказывает афоризм Кафки о том, что «каждый человек — это прекрасный сон для других и страшная явь для себя»: «Вот и я сейчас возвращаюсь оттуда, где я был прекрасным сном для других, туда, где я страшная явь для себя. Ничего нового в этой яви я не открыл» [Гаспаров 2008: 326].

Едва ли мы ошибемся, если назовем Принстон в восприятии российского филолога своеобразным холодным наваждением, в котором, перифразируя другого русского интеллигента, оказавшегося в маленьком университетском городке в Америке, реальный, страдающий и не находящий для себя места человек чувствует, что превращается в умильный сон местных обывателей (вспомним вторую главу «Сны» в цветаевском «Крысолове»).

«Детский рай»

Как мы полагаем, восходящий к поэме Цветаевой гаммельнский мотив имеет прямое отношение не только к записи Гаспарова о Принстоне как буржуазном академическом «поселке городского типа», но и к заинтересовавшему нас переводу-пересказу американской детской истории, определенной автором-филологом как «идиллическая страшилка» (своего рода фрейдовское «das Unheimliche», жуткое, редуцированной до сюжетного минимума мещанской

23 Ученики Ронена разных поколений — профессора Ольга Хейсти, Майкл Вахтель и аспирант Тимоти Портис (теперь тоже профессор).

жизни, представленной повествователем и проиллюстрированной художником: девочка и мальчик, школьная любовь, женитьба, жизнь вдвоем до старости и смерти).

В основе романтической поэмы Цветаевой лежит знаменитая средневековая «страшилка» о похищенных пестрым музыкантом-крысоловом 130 гаммельнских детях (существует большая литература об исторических, культурных, мифологических и социопсихологических истоках этой истории). В интерпретации Цветаевой оскорбленный Крысолов, символизирующий поэзию, уводит игрой на дудочке детей из духовно мертвого мещанского Гаммельна («Быт не держит слово Поэзии. Поэзия мстит»). Гаммельн, напомним, изображается в поэме так:

Стар и давен город Гаммельн,
Словом скромн, делом строг,
Верен в малом, верен в главном:
Гаммельн — славный городок!

В ночь, как быть должно комете,
Спал без просыпу и сплошь.
Прочно строен, чисто метен,
До умильности похож.

— Не подойду и на выстрел! —
На своего бургомистра²⁴.

Вот еще одна характеристика готического Гаммельна, очевидно проецируемая Гаспаровым на псевдоготический Принстон (двусложное название первого легко заменить в стихах названием нью-джерсийского городка):

Город грядок —
Гаммельн, нравов
добрых, складов
полных, — Рай —
город...

Божья радость —
Гаммельн, здравых —
город, правых —
город...

Рай-город, пай-город, всяк-свой-пай-берет, —
Зай-город, загодя-закупай-город.

<...>
Божья заводь —
Гаммельн, гадов —
Бесу, сладок —
Богу...

24 *Цветаева М.И.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. М.: Эллис Лак, 1994. С. 51.

<...>

Кто не хладен
и не жарок,
прямо в [Принстон]
поез —

жай-город, рай-город, горноста́й-город.
Бай-город, вовремя-засыпай-город²⁵.

В последней главе поэмы (которую по-гаспаровски вполне можно назвать исполинской романтической страшилкой) под названием «Детский рай» Крысолов зазывает с помощью волшебной дудочки гаммельнских детей и обещанную ему в жену дочку бургомистра в поэтический эдем (тема, связанная в восприятии Цветаевой с «Лесными царями» Гёте и Жуковского) и топит их в озере:

В царстве моем — ни свинки, ни кори,
Ни высших материй, ни средних историй,
Ни расовой розни, ни Гусовой казни,
Ни детских болезней, ни детских боязней:

— Вечные сны, бесследные чащи...
А сердце все тише, а флейта все слаще...
— Не думай, а следуй, не думай, а слушай.
А флейта все слаще, а сердце все глуше...

— Муттер, ужинать не зови!
Пу-зы-ри²⁶.

В этом русском поэтично-мифологическо-психологическом контексте становится понятной данная Гаспаровым дефиниция переведенной им детской истории, «услышанной» (или, как мы предположили, прочитанной) в кажущемся уютным и довольным Принстоне, — «идиллическая страшилка»²⁷. Эта дефиниция, используя собственное выражение Гаспарова, представляет собой своего рода деструкцию американской среды, вызывавшей в нем не только насмешку, но и некий первобытный ужас, — «страшная академическая идиллия». Иначе говоря, «уста́ми» вымышленных американских младенцев и с помощью американского детского фольклорного жанра Гаспаров высказывает собственное представление об академическом рае, скрывающем под прекрасной оболочкой чуждые для него эстетику и образ жизни. «Настоящий Гаммельн, — утверждал ученый в написанной совместно с Н.Г. Дацкевич статье «Тема дома в поэзии Марины Цветаевой» (1992), — это город "...складов пол-

25 Там же. С. 55.

26 Там же. С. 108.

27 Термин «страшилка», используемый Гаспаровым, был введен в фольклористический оборот в 1970-е годы М.В. Осориной [Гречина, Осорина 1981]. В 1990-е годы становятся популярными стилизации и сборники русских детских страшилок: *Успенский Э.* Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы. Страшные повести для бесстрашных школьников (Пионер. 1990. № 2—4); *Науменко Г.* Русские детские страшилки. М.: Классика плюс, 1997; *Усачев А., Успенский Э.* Жуткий детский фольклор. М.: Росмэн, 1998.

ных, Рай-город...», и это плохо, потому что в быту». И продолжал афористически: «Даже крысы, заслушав песню крысолова, становятся выше мещанства» [Дацкевич, Гаспаров 1992: 118] (флейта цветаевского Крысолова поет: «Крысы, с мест! / Не водитесь с сытостью: съест!»²⁸).

Заметим, что в похожем тоне Гаспаров описывал в «Записях и выписках» по-настоящему готический Оксфорд, название которого (the oxen ford 'бычий брод') «местные слависты» якобы переводят как «Скотопригоньевск» (с. 49). (Профессор Катриона Келли заметила в разговоре с нами, что никогда в жизни не слышала от коллег подобного перевода-сопоставления Оксфорда с местом действия «Братьев Карамазовых» и предположила, что Гаспаров услышал этот каламбур от профессора Джерри Смита, с которым тогда часто общался. Но возможно, что Гаспаров прочитал о такой этимологии в комментариях известного английского переводчика романа Игната Авсея в оксфордском издании 1994 года²⁹.) Разумеется, сама по себе ироническая критика университетского мирка как мещанского, лицемерного и мертвого является традиционной романтической темой (от «Золотого горшка» Э.Т.А. Гофмана до английских оксбриджских *mystery series* вроде замечательного «Инспектора Морса» и фильмов-ужасов на тему кампусной Америки 1950—1960-х годов).

Черный бутон

Почти девять месяцев спустя после приезда в Америку, 3 мая 1995 года, Гаспаров пишет письмо И.Ю. Подгаецкой «в самолете из Нью-Йорка в Москву»:

Только теперь, улетев из Принстона, я в состоянии сказать, на что он, собственно, похож. Архивная читальня называется «имени Даллеса» — помните, был такой поджигатель войны. Она круглая, и перед глазами висит портрет круглого Даллеса над круглым глобусом. Вокруг нее библиотека — версты пристроек и надстроек вширь и ввысь, а на перекрестках в полу рисунки компаса, N-E-S-W, чтобы не заблудиться. Вокруг — университет, серыми башенными псевдоготическими корпусами, а среди них, на площадке перед библиотекой, постамент, и на нем бутон черных выпуклостей с просветами: скульптор Липшиц, «Гармония гласных».

На главной улице — псевдоцерковь (святой Павел), по-кельски — или по-strasбургски? — поднявшая одно готическое ухо. А вокруг, теремками, острокрышие домики-кубики с дачными крылечками и фасадами в досчатую линейку. Я уже писал: «В Америке ведь не города, а поселки городского типа», — сказал Томас Венцлова, приятель Бродского, степенный диссидент, преподающий славистику в Йеле [Гаспаров, Подгаецкая 2008: 176—177].

Как видим, это письмо включает выдержку из приводимого выше письма к М.-Л. Ботт, ставшую затем словарной «выпиской» «ПГТ». Между тем в последней был несколько заретуширован сарказм, весьма напоминающий язвительную манеру Цветаевой: «литовский диссидент» вместо использованного

28 Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 3. С. 71.

29 «Достоевский, — указывал переводчик Игнат Авсей, — должно быть, сконструировал это название по образцу какого-то западного оригинала, вроде Кэттлвилля или Оксенфорда или даже Оксфорда» (*Dostoyevsky F. The Karamazov Brothers. A new translation by Ignat Avsey. Oxford: Oxford University Press, 1994. P. 1003*).

в письме к Подгаецкой оксюморона «*степенный диссидент*», преподающий славистику в элитарном Йеле. (Заметим, что высказывание Венцловы, процитированное Гаспаровым, непосредственно связано с исследовательскими интересами йельского профессора, занимавшегося изучением культурно-семиотического «языка» (легенды) любого города, в том числе и «многих современных городов, к которым часто применим советский термин “поселок городского типа”» [Венцлова 2014: 29–30]³⁰.)

Скульптура Жака Липшица (Jacques Lipchitz), которую иронически остраивает Гаспаров в этом письме, «по-хлебниковски» (для русского филологического уха) называется «*Song of the Vowels*». Она стоит перед библиотекой, в которой хранится архив Мандельштама, где изучал свои ужастики Шварц и работал Гаспаров, изображает арфу и арфиста и воплощает, по словам самого скульптура, древнюю легенду о тайной молитве, с помощью которой жрецы могут вызывать к жизни силы природы.

Жак Липшиц. «*Song of the vowels*» («*Песня гласных*»)
Принстонский университет. Автор фото: PoliticsIsExciting

30 Сам Венцлова в письме ко мне от 9 октября 2023 года заметил, что сравнение американского кампуса с поселком городского типа он, кажется, слышал от парижского гостя Е.Г. Эткинда.

Полагаем, что Гаспарову, ежедневно проходившему мимо «Песни гласных» в библиотеку, этот «бутон черных выпуклостей с просветами» казался пугающей (забронзовевшей) пародией на гаммельнского музыканта-заклинателя. Попутно заметим, что в принстонском письме к Андрею Устинову от 10 декабря 1994 года Гаспаров сообщал, что ходит в архив «мимо греческой закуской (Zorba the Grill), где предлагаются сувлаки и фарафели <sic!> — очень хармсовские слова»³¹ (речь идет о популярном ресторанчике — увы, недавно закрывшемся — «Zorba's Grill», находившемся в Принстоне по адресу: 183 Nassau St.). Замечательно, что греческие блюда вызывали у автора «Занимательной Греции» русские авангардистские фонетические ассоциации. А еще замечательнее, что эти ассоциации неожиданно преломились в «Записях и выписках» в «дефиниции» **«Хелефеи и фелефеи»**:

Я раскрыл Библию, открылась Вторая книга Царств: «И вышли за ним люди Иоавовы, и хелефеи и фелефеи, и все храбрые пошли из Иерусалима преследовать Савея, сына Бихри». Я обрадовался и написал открытку В.П. Григорьеву: вот какой хлебниковский (или хармсовский) язык я нашел в Писании. Он ответил: «Хармсовский, но не хлебниковский, потому что звука ф в “звездном языке” не было» [Гаспаров 2000а: 67]³².

Чистый Хармс!

В заключение приведем последние слова написанного Гаспаровым в самолете письма, завершающие его дискретный принстонский травелог:

Пока я писал, мы пролетели ночь, над светлыми облаками встает солнце, и до Москвы — три часа. Я понял, почему я стал писать Вам, вместо того чтобы считать аллитерации в «Евгении Онегине», как я собирался: потому что мне нужно было душевно приготовить себя к московской реакклиматизации, и через разговор с Вами это оказалось всего возможнее. Спасибо Вам за это [Гаспаров 2008: 213].

Кажется, что это специфическое предчувствие возвращения на родину к своему языку, своим читателям (читательницам) и неизменному одиночеству («страшной яви» собственного «я») выворачивает наизнанку канонический финал карамзинских «Писем русского путешественника», строящихся как эпистолярные «разговоры» с сочувственницами:

31 Разумеется, имеются в виду фалафели. Выражаю глубокую признательность А.Б. Устинову за разрешение ознакомиться с этим письмом. О «нелюбви» Гаспарова к еде см. воспоминания Вахтеля и Тарлинской: он питался «в основном сыром, конфетами и сухофруктами»; «...живя в Принстоне на квартире, в научной командировке, он ни разу плиту не зажег, не вскипятил себе воды для чая» и ел одни «дешевые конфеты типа ирисок “кис-кис”», сахар («для мозга хорошо») и дешевую колбасу типа ливерной [Вахтель 2017: 441; Тарлинская 2017: 404].

32 Действительно, Хармс, как любезно указал нам А.А. Кобринский, имел особое пристрастие к буквам «ф» и «фита» (Ф). Свою жену Марину Малич он звал Фефюлька. В одном из набросков у него появляется собака по имени Феска. Наконец, в рассказе, начинающемся словами «К одному из домов, расположенных на одной из обыкновенных ленинградских улиц», появляется герой Яков Иванович Фитон, у которого на двери висела бумажка с криво расположенными буквами, причем «слово Фитон начиналось не с буквы Ф, а с Фиты, которая была похожа на колесо с одной перекладиной (мы бы сказали, что с ленточкой. — И.В.)» (Хармс Д. Полное собрание сочинений: В 4 т. Т. 2. Проза и сценки. Драматические произведения. СПб.: Академический проект, 1997. С. 31).

Я в России и через несколько дней буду с вами, друзья мои!.. Всех останавливаю, спрашиваю, единственно для того, чтобы говорить по-русски и слышать русских людей. Вы знаете, что трудно найти город хуже Кронштата, но мне он мил! Здешний трактир можно назвать гостиницею нищих, но мне в нем весело!

С каким удовольствием перебираю свои сокровища: записки, счета, книги, камешки, сухие травки и ветки, напоминающие мне или сокрытие Роны, la perte da Rhone, или могилу отца Лоренза, или густую иву, под которою англичанин Поп сочинял лучшие стихи свои! Согласитесь, что все на свете крезы бедны передо мною!³³

Почти девятимесячная принстонская командировка Гаспарова не оставила никаких чувствительных «воспоминаний путешественника» (кроме двух-трех разговоров с душевно близкими и интересными для него собеседниками³⁴). Но от нее остались несколько ярких, грустных и умных писем, классические статьи о мучительной работе Мандельштама над текстами своих главных и са-

33 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984. С. 388.

34 Так, об античнице Е.В. Алексеевой, помогавшей ему в работе над мандельштамовским архивом, Гаспаров пишет: «Худая, болезненная... нервы натянутые. В голосе иногда слезы, но владеет собой. ...общий язык нашелся, и разговоры получаются такие человеческие, что мне все еще непривычно. Вот и еще одним хорошим человеком в жизни больше...» [Гаспаров 2008: 328]. Вообще с тихими и болезненными интеллигентными собеседниками Гаспаров легче находил общий язык. «С мало-знакомыми и новознакомыми людьми, — писал он в одном из своих принстонских писем, — вдруг получались очень хорошие разговоры: старенькая преподавательница (моложе меня на два года), устроившая мне визит в Блумингтон, разговаривала со мной так, что на прощание мы обнялись и я ее по головке погладил» [Там же: 326]. Речь идет о профессоре Индианского университета, «тихой бахтинистке» Нине Перлиной [Там же: 201], подсказавшей Гаспарову, что темный мандельштамовский стих «жаркой шубы сибирских степей» из известного стихотворения о «веке-волкодаве» восходит к ремарке Велимира Хлебникова «Перун подает Юноне черную шубу сибирских лесов» из той самой заумной пьесы «Боги», о которой ученый прочитал доклад (а потом написал статью). Заметим попутно, что этот стих, по всей видимости, подразумевает не sheepskin (дубленку), которая, согласно переводу Лоуэлла, высмеянному Владимиром Набоковым, была послана в сибирские степи (shipped to the steppes; см.: Nabokov V. Strong Opinions. New York: Vintage international, 1990. P. 281), а так называемую шубу сибирских волков, волчью шубу, славившуюся своей теплотой. Ср., например, из «Статистического обозрения Сибири» Ю. Гагемейстера: «Серые [шкуры] имеют несколько подразделений, но из них ценятся выше всех шкуры сибирских волков. Они крупнее, шерсть на них высокая, густая, темносерого цвета» (Гагемейстер Ю. Статистическое обозрение Сибири: В 3 ч. Ч. 1. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, 1854. С. 327). Такой шкуре посвящен замечательный сибирский рассказ К.Н. Бальмонта «На волчьей шкуре» (1908) о рыжем мальчике, лежавшем «на волчьей шубе»: «...во всю эту ночь, в оцепенении тьмы, рыжему мальчику снилась бесконечная снежная равнина, и по ней с горящими глазами волк и волчица убежали к крайней черте горизонта, где виднелось зарево от сгоревшей деревни» (Бальмонт К.Д. Воздушный путь. Рассказы. Берлин: Огоньки, 1923. С. 129). Возможно, что этот материал понадобился Мандельштаму для того, чтобы ассоциативно мотивировать стремление своего лирического героя спрятаться от нового «века-волкодава» в шкуру сибирского волка (преследуемого старого века), не будучи волком по крови своей. Проницательный Олег Лекманов услышал здесь отголосок киплинговского Маугли, которого Мандельштам упоминал незадолго до написания этого стихотворения [Лекманов 2003: 147].

мых страшных произведений³⁵ и переработанное в книжку собрание собственных «подпольных» выписок, представляющих печальную ироничную исповедь (сам автор употребил в одном из писем медицинский термин «анамнез») «безбытного» или, лучше сказать, «*неуместного*» российского книжника-интеллектуала, оказавшегося в идиллическом академическом городке в окруженном огнем конце XX века (в нескольких письмах этого времени академический ученый Гаспаров упоминает кровавую чеченскую войну, начавшуюся в декабре 1994 года, — современный фон его филологической работы над статьей о пацифистских «Стихах о неизвестном солдате» Мандельштама).

В свою очередь, переведенный Гаспаровым американский рассказ о Дженни и Альфреде оторвался от «Записей и выписок» и стал функционировать в российском интернете просто как анекдот-страшилка. Забавно, что остроумцы из российских чатов предлагают новые развязки для этой истории. Один шутник заменил имя Альфред на Альберт, включив тем самым страшилку в принстонскую «легенду»: «Этим мальчиком был Альберт Эйнштейн»³⁶. Другой завершил рассказ на гендерной ноте: «“Вот теперь развяжи мне бантик, и ты кое-что поймешь”. Он развязал, и — *увидел кадык*» (или: *увидел, что это был... Джонни*)». Но это уже совершенно иная история, свидетельствующая о других страхах и предрассудках.

Постскриптум

«Что для меня удивительно, — меланхолически заметил мой коллега Майкл Вахтель, прочитав эту статью, — это то, что все это было не так давно, а ничего физического не осталось. Старого книжного магазина нет; бывшего кабинета, где работал Гаспаров, нет; дом, где он жил, снесли; читальный зал рукописного отдела перенесли; даже греческое кафе закрылось. Одни руины, как у твоего Карамзина». Справедливости ради нужно сказать, что кафедра славистики после ремонта переехала на светлый и теплый второй этаж, нынешние аспиранты слушают курсы по русской и украинской поэзии; наконец, в этом году на кафедре работают два замечательных мандельштамоведа в ожидании третьего.

Библиография / References

[Автономова 2010] — Автономова Н.С. Прочитав Омри Ронена (несколько соображений о Михаиле Леоновиче Гаспарове, его письмах и его биографии) // Стенгазета. 2010. 9 марта. [http://www.stengazeta.](http://www.stengazeta.net/article.html?article=7017)

[net/article.html?article=7017](http://www.stengazeta.net/article.html?article=7017) (дата обращения: 28.08.2024).
(*Avtonomova N.S. Prochitav Omri Ronena (neskol'ko soobrazheniy o Mikhaile Leonoviche Gasparove, ego pis'makh i ego biografii) // Sten-*

-
- 35 В Принстоне Гаспаров выступил с докладом об «отброшенном ключе» к «Грифельной оде» О.Э. Мандельштама, ставшим основой для статьи в журнале «Philologica» [Гаспаров 1995].
- 36 Фраза из популярной в Рунете байки о молодом Эйнштейне и его профессоре. Благодарю Аллу Бурцеву за указание на этот современный фольклорный источник.

- gazeta. 2010. March 9. <http://www.stengazeta.net/article.html?article=7017> (accessed: 28.08.2024.)
- [Булкина 2000] — Булкина И. «Чтоб эпитафии разбирать» <https://web.archive.org/web/20150928131008/http://old.russ.ru/krug/kniga/20000229.html> (дата обращения: 28.01.2021).
- (Bulkina I. Chtob epigrafy razbirat' <https://web.archive.org/web/20150928131008/http://old.russ.ru/krug/kniga/20000229.html> (accessed: 28.01.2021)).
- [Вахтель 2017] — Вахтель М. Воспоминания о М.Л. Гаспарове // М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Под ред. М. Акимовой и М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (Wachtel M. Vospominaniya o M.L. Gasparove // M.L. Gasparov. O nem. Dlya nego: Stat'i i materialy / Ed. by M. Akimova, M. Tarlinskaya. Moscow, 2017.)
- [Венцлова 2014] — Венцлова Т. К сопоставлению вильнюсского и таллиннского текста // Семиотика города: Материалы Третьих Лотмановских дней в Таллинском университете / Ред.-сост. И.А. Пильщиков. Таллинн: Изд-во ТЛУ, 2014. С. 29—55.
- (Venclova T. K сопоставleniyu vil'nyusskogo i talinnskogo teksta // Semiotika goroda: Materialy Tret'ikh Lotmanovskikh dney v Tallinnskom universitete / Ed. by I.A. Pii'shchikov. Tallinn, 2014. P. 29—55.)
- [Виницкий 2021] — Виницкий И. Заумный Гаспаров. Индейские имена в «Записях и выписках» // Новое литературное обозрение. 2021. № 168. С. 154—177.
- (Vinitskiy I. Zaumnyi Gasparov. Indeyskie imena v "Zapisyakh i vypiskakh" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2021. No. 168. P. 154—177.)
- [Виницкий 2024] — Виницкий И. Дух языка: Михаил Гаспаров, Осип Манделштам и чужая речь // Знамя. 2024. № 3 (<https://znamlit.ru/publication.php?id=8958> (дата обращения: 28.08.2024)).
- (Vinitskiy I. Dukh yazyka: Mikhail Gasparov, Osip Mandelshtam i chuzhaya rech' // Znamya. 2024. No. 3 (<https://znamlit.ru/publication.php?id=8958> (accessed: 28.08.2024)).)
- [Гаспаров 2000а] — Гаспаров М.Л. Записи и выписки. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- (Gasparov M.L. Zapisi i vypiski. Moscow, 2000.)
- [Гаспаров 2000б] — Гаспаров М.Л. Занимательная Греция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- (Gasparov M.L. Zanimatel'naya Gretsia. Moscow, 2000.)
- [Гаспаров 1995] — Гаспаров М.Л. «Грифельная ода» Манделштама: история текста и история смысла // Philologica. 1995. Т. 2. № 3/4. С. 153—198.
- (Gasparov M.L. "Grifel'naya oda" Mandel'shtama: istoriya teksta i istoriya smysla // Philologica. 1995. Vol. 2. No. 3/4. P. 153—198.)
- [Гаспаров 2006] — «Читать меня подряд никому не интересно...»: Письма М.Л. Гаспарова к Марии-Луизе Ботт, 1981—2004 гг. / Подгот. текста и публ. М.-Л. Ботт // Новое литературное обозрение. 2006. № 1. С. 145—249 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/chitat-menya-podryad-nikomune-interesno-pisma-m-l-gasparova-k-marii-luize-bott-1981-8212-2004-gg.html> (дата обращения: 28.08.2024)).
- (“Chitat' menya podryad nikomu ne interesno...”: Pis'ma M.L. Gasparova k Marii-Luize Bott, 1981—2004 gg. / Prep. and publ. by M.-L. Bott // Novoe literaturnoe obozrenie. 2006. No. 1. P. 145—249 (<https://magazines.gorky.media/nlo/2006/1/chitat-menya-podryad-nikomune-interesno-pisma-m-l-gasparova-k-marii-luize-bott-1981-8212-2004-gg.html> (accessed: 28.08.2024)).)
- [Гаспаров 2008] — Ваш М.Г.: Из писем Михаила Леоновича Гаспарова. М.: Новое издательство, 2008.
- (Vash M.G.: Iz pisem Mikhaila Leonovicha Gasparova. Moscow, 2008.)
- [Гаспаров 2017] — М.Л. Гаспаров. О нем. Для него: Статьи и материалы / Под ред. М. Акимовой и М. Тарлинской. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (M.L. Gasparov. O nem. Dlya nego: Stat'i i materialy / Ed. by M. Akimova, M. Tarlinskaya. Moscow, 2017.)
- [Гаспаров 2023] — Гаспаров М.Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- (Gasparov M.L. Sobranie sochineniy: In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 2023.)
- [Гаспаров, Подгаецкая 2008] — Гаспаров М.Л., Подгаецкая И.Ю. «Сестра моя — жизнь» Бориса Пастернака. Сверка понимания. М.: РГГУ, 2008.
- (Gasparov M.L., Podgayetskaya I.Yu. "Sestra moya — zhizn'" Borisa Pasternaka. Sverka ponimaniya. Moscow, 2008.)
- [Гречина, Осорина 1981] — Гречина О.Н., Осорина М.В. Современная фольклорная проза детей // Русский фольклор. Вып. 20. Фольклор и историческая действительность / Отв. ред. А.А. Горелов. Л.: Наука, 1981. С. 96—106.
- (Grechina O.N., Osorina M.V. Sovremennaya fol'klornaya proza detey // Russkiy fol'klor. Iss. 20. Fol'klor i istoricheskaya deystvitel'nost' / Ed. by A.A. Gorelov. Leningrad, 1981. P. 96—106.)

- [Дацкевич, Гаспаров 1992] — *Дацкевич Н.Г., Гаспаров М.Л.* Тема дома в поэзии Марины Цветаевой // *Здесь и теперь*. 1992. № 2. С. 116—130.
- (*Datskevich N.G., Gasparov M.L.* Tema doma v poezii Mariny Tsvetaevoy // *Zdes' i tep'er'*. 1992. No. 2. P. 116—130.)
- [Зорин 2000] — *Зорин А.Л.* От А до Я и обратно (о «Записях и выписках» Михаила Гаспарова // *Неприкосновенный запас*. 2000. № 3. С. 69—72.
- (*Zorin A.L.* Ot A do Ya i obratno // *Neprikosnovennyy zapas*. 2000. No. 3. P. 69—72.)
- [Лекманов 2003] — *Лекманов О.А.* Жизнь Осипа Манделштама: документальное повествование. М.: Звезда, 2003.
- (*Lekmanov O.A.* Zhizn' Osipa Mandel'shtama: dokumental'noe povestvovanie. Moscow, 2003.)
- [Раскин 1995] — *Раскин И.* Энциклопедия хулиганствующего ортодокса: опыт словаря с анекдотами, частушками, поэзией, плагиатом и элементами распустыянского пустобольства. СПб.: Эрго, 1995.
- (*Raskin I.* Entsiklopediya khuliganstvuyushchego ortodoksa: opyt slovary s anekdotami, chas-tushkami, poeziei, plagiatom i elementami raspustyayskogo pustobol'stva. Saint Petersburg, 1995.)
- [Ронен 2009] — *Ронен О.* Приписки // *Звезда*. 2009. № 9. С. 218—226.
- (*Ronen O.* Pripiski // *Zvezda*. 2009. No. 9. P. 218—226.)
- [Тарлинская 2017] — *Тарлинская М.* Миша Гаспаров в моей жизни // *М.Л. Гаспаров. О нем. Для него / Сост. М. Тарлинская*. М.: Новое литературное обозрение, 2017. С. 395—410.
- (*Tarlinskaya M.* Misha Gasparov v moyey zhizni // *M.L. Gasparov. O nem. Dlia nego / Ed. by M. Tarlinskaya*. Moscow, 2017. P. 395—410.)
- [Тименчик 2017] — *Тименчик Р.Д.* Выписки к записям // *М.Л. Гаспаров. О нем. Для него / Под ред. М. Акимовой и М. Тарлинской*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- (*Timenchik R.D.* Vypiski k zapisiam // *M.L. Gasparov. O nem. Dlya nego / Ed. by M. Akimova, M. Tarlinskaya*. Moscow, 2017.)
- [Эмерсон 2006] — *Эмерсон К.* Двадцать пять лет спустя: Гаспаров о Бахтине // *Вопросы литературы*. 2006. № 2. С. 12—47.
- (*Emerson C.* Dvadsat' pyat' let spustya: Gasparov o Bakhtine // *Voprosy literatury*. 2006. No. 2. P. 12—47.)
- [Bott 1981] — *Bott M.-L.* Studien zu Marina Cvetavaeva's Poem "Krysolov". Rattenfänger- und Kitez-Sage // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 3. Wien, 1981. S. 87—112.
- [Bott 1982] — *Bott M.-L.* Krysolov. Der Rattenfänger / Hrsg., Übers. und Komment. von M.-L. Bott, mit einem Glossar von G. Wytzens // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 7. Vienna, 1982.
- [Buckner Inniss 2019] — *Buckner Inniss L.* The Princeton Fugitive Slave: The Trials of James Collins Johnson. New York: Fordham University Press, 2019.
- [Vardell 1987] — *Vardell S.M.* Profile: Alvin Schwartz // *Language Arts*. 1987. Vol. 64. No. 4. P. 426—432.